

TARİX**КАРИБСКИЙ КРИЗИС
И ЕГО МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ****А.Н.АББАСБЕЙЛИ***Бакинский Государственный Университет*

Во второй половине XX века никогда еще мир не стоял так близко к началу ядерной войны, как во время Карибского кризиса 1962 года, возникший в атмосфере обострения «холодной войны» и поставивший мир на грань ядерной катастрофы. Человечество в полной мере ощутило реальность апокалипсиса. Однако, силы разума взяли верх над безрассудством и разыгравшимися эмоциями. Государственные деятели СССР и США впервые осознали, что такое «ядерный тупик», и, проявив необходимый реализм при ликвидации кризисной ситуации, нашли в себе силы вступить на путь возникшей ситуации не военными, а политическими средствами. И не будет преувеличением сказать, что уроки кризиса, предостерегающие от поспешных, непродуманных действий, стали серьезным вкладом в разработку и нового мышления, и новых подходов к событиям на мировой арене. Однако, Карибский кризис был не случайным явлением. Это было в годы холодной войны и обе сверхдержавы усиленно готовились к возможному столкновению.

К 1962 году 87% американских межконтинентальных ракет (Атлас-Р, Титан-1) было размещено в шахтных пусковых установках, что обеспечивало их живучесть, в то время как СССР только приступал к их строительству. Техническая готовность межконтинентальных ракет (МКР) США к старту из различных степеней боевой готовности в два раза превосходила аналогичные советские показатели.

С 1961 г. одна треть стратегических бомбардировщиков В-52 осуществляла дежурство в воздухе. Другая треть находилась в 15-минутной готовности к вылету. При этом на самолетах, предназначенных для дежурства как в воздухе, так и на земле, размещалось ядерное оружие, а экипажам вручались документы с боевой задачей.

Кроме того, с октября 1958 г. в соответствии с системой «Рефлекс экшн» было организовано аналогичное дежурство средних бомбардировочных авиационных крыльев на передовых аэродромах Великобритании, Северной Африки и Испании. Дальняя авиация советских ВВС находилась в мирное время в суточной готовности. При этом для выполнения боевых задач стратегические бомбардировщики должны были перебазироваться на передовые аэродромы Кольского полуострова и Чукотки.¹

США значительно опережали СССР и в развертывании морских ядерных сил. Атомные подводные лодки класса «Джордж Вашингтон» имели на борту по 16 ракет «Поларис-А1» (дальность полета — 2800 км), пуск которых осуществлялся из подводного положения. В начале 60-х годов они базировались в Холи-Лох (западное побережье Шотландии) и осуществляли боевое патрулирование в Северной Атлантике. Кроме того, США по «настойчивым просьбам» своих союзников по НАТО к маю 1962 г. в дополнение к 60 ракетам «Тор», развернутым на западе Англии, завершили развертывание в Северной Италии и Турции 45 пусковых установок ракет средней дальности (РСД) «Юпитер». И хотя эти ракеты находились в оперативном подчинении ВВС Великобритании («Тор») и объединенного командования НАТО («Юпитер»), планирование их боевого применения осуществлялось в общем плане «ядерного наступления» США. Время полета этих ракет до целей на территории СССР составляло всего 10 минут, что полностью лишало советское руководство возможности принять решение об ответных действиях.

Советский ВМФ только приступал к развертыванию группировки ракетных подводных лодок. Атомные подводные лодки 658 проекта с тремя ракетами Р-13 (дальность полета — 600 км) проходили испытания. В боевом составе флота находились только дизель-электрические подводные лодки 611 проекта с двумя ракетами Р-11 ФМ (дальность — 150 км) и 629 проекта с тремя ракетами Р-13. Боевое патрулирование не предусматривалось. Для поражения объектов на территории США предполагалось привлекать подводные лодки 629 проекта. Учитывая горький опыт Перл-Харбора, США в 1961 году развернули в Туле (Гренландия) и Файлингдейз-Мур (Великобритания) две станции системы предупреждения о ядерном ударе. Станции позволяли фиксировать факт полета МКР за 25 — 30 минут до падения их головных частей на территории США, что обеспечивало достаточное время для принятия решения на ответные действия и тем самым исключало возможность внезапной атаки противника.

Таким образом, к началу 60-х годов Соединенные Штаты обладали количественным и качественным превосходством в области стратегического ядерного вооружения и гипотетически могли одержать победу в ядерной войне с Советским Союзом. Значение этого превосходства проявилось уже на Венской встрече на высшем уровне в июне 1961 г. Все требования Хрущева по Западному Берлину и Кубе «разбивались» об улыбку Джона Кеннеди, более того, результаты космической разведки, проведенной в 1961 году, ясно показали, что вместо 200 ракет (старая оценка ЦРУ) Советский Союз имел только четыре МКР, развернутые в Плесецке, в то время как США имели 40 пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет. Это обстоятельство существенно изменило американские планы применения ядерного оружия. Оказалось, что практически двумя-тремя ракетами «Юпитер» с территории Турции, развертывание которых было завершено в мае 1962 г., можно уничтожить все межконтинентальные ракеты СССР. Советскому руководству стало ясно, что американцы уже не верят блефу о «ракетно-ядерной мощи» своего противника. Обстановка на «советско-американском фронте «холодной войны» грозила не только потерей Кубы и мирового престижа в целом, но и возможным поражением в ядерной войне.²

Выход из этого тупика мог быть только один — создать весомую угрозу нанесения ядерных ударов по объектам, расположенным на территории Соединенных Штатов. 24 мая 1962 г. на расширенном заседании Совета обороны СССР принимается решение о создании Группы советских войск на Кубе, в состав которой включалась ракетная дивизия, состоящая из пяти ракетных полков, вооруженных ракетами средней дальности (40 пусковых установок (ПУ), 36 ракет Р-12, 24 ракеты Р-14).

Роберт Макнамара, будучи министром обороны США в период с 1961 по 1968 годы позже отмечал, что «... ядерный паритет, я уверен, существовал еще в октябре 1962 года во время кубинского ракетного кризиса. У Соединенных Штатов в то время было, примерно, пять тысяч стратегических боезарядов по сравнению с советскими тремя сотнями. Несмотря на преимущество семнадцати к одному в нашу пользу, одно понимание того, что, хотя подобный удар и разрушит Советский Союз, но ведь десятки его ракет уцелеют и полетят на Соединенные Штаты, удержало нас даже от рассмотрения возможного ядерного нападения на СССР».³

Сообщение о предоставлении Советским Союзом военной помощи Кубе всерьез взволновало США. Наблюдение американской разведки за Кубой было усилено. Вскоре стало очевидно, что Советский Союз сооружает на Кубе стартовые площадки для зенитных управляемых ракет (ЗУР), которые считаются оборонительным оружием. Велось интенсивное строительство крупного рыбацкого поселка, под видом которого, как полагало ЦРУ, СССР создает крупную судовой верфь и базу для советских подводных лодок. Американское правительство не только выразило свою «озабоченность» через посла СССР А. Добрынина, но провело в районе Кубы крупные маневры, в которых участвовало 45 военных кораблей и 10 тысяч морских пехотинцев. Увеличилось число разведывательных полетов У-2, непрерывно фотографировавших территорию Кубы, что можно было делать, не нарушая воздушного пространства острова. 4 сентября Кеннеди сделал публичное предостережение: Соединенные Штаты не потерпят размещения на Кубе стратегических ракет типа «земля-земля» и других видов наступательного оружия. 7 сентября президентом был сделан запрос у Конгресса, на разрешение мобилизовать 150 тысяч резервистов.⁴

Советское руководство оставило без внимания демарш президента США и маневры американского флота. А. Добрынин просил Роберта Кеннеди заверить своего брата, что ракеты на Кубе устанавливаться не будут.

12 сентября в советских газетах появилось сообщение ТАСС, в котором говорилось: «Правительство СССР уполномочило ТАСС заявить, что Советскому Союзу не требуется перемещения в какую-либо другую страну, например в Кубу, имеющихся у него средств для отражения агрессии, для ответного удара. Наши ядерные средства являются настолько мощными по своей взрывной силе, и Советский Союз располагает настолько мощными ракетносителями для этих зарядов, что нет нужды искать место для их размещения где-то за пределами СССР».⁵

То же самое говорилось и в личном послании Хрущева Джону Кеннеди. Хрущев писал, что президент США может быть уверен, что ракеты «земля-земля» ни при каких обстоятельствах не будут отправлены на Кубу.

В конце сентября и в начале октября в районе Кубы сильная облачность не позволяла проводить фоторазведку. Это облегчало скрытное и срочное проведение работ по созданию пусковых установок. Хрущев и Кастро рассчитывали, что все работы будут завершены раньше, чем разведка США обнаружит, каким именно «оборонительным оружием» располагает теперь Куба. Как откровенно писал позднее в своих мемуарах Хрущев, «этой силы было достаточно, чтобы разрушить Нью-Йорк, Чикаго и другие промышленные города, а о Вашингтоне и говорить нечего. Маленькая деревня»⁶.

Без сомнения, различного рода слухи о ракетах на Кубе и ведущихся там строительных работах доходили до американцев, но у них не имелось ясных доказательств. Только 10 октября они смогли возобновить фоторазведку, и полученные данные их крайне обеспокоили. Они увидели автомобильные дороги там, где десять дней назад темнели джунгли. Кеннеди приказал расширить фоторазведку, но на Кубу обрушился еще один тайфун, и новые снимки удалось сделать только 14 октября. Американские самолеты снимали не только с большой высоты, но и с малой - со 130 метров. Тысячи полученных снимков ясно свидетельствовали, что речь идет уже не о зенитных ракетах, а о ракетах «земля-земля», способных нести ядерное оружие. Новые снимки, полученные 17 октября, позволили увидеть несколько новых пусковых площадок, на которых расположились 16 или 32 ракеты, дальность полета которых, по заключению экспертов и данным разведки, составляла более тысячи миль.

16 октября Кеннеди создал особый военно-политический штаб – Исполнительный комитет Совета национальной безопасности, все члены которого уже не сомневались в грозящей Америке опасности и требовали ответных действий. Правда, они еще расходились во мнениях о характере и масштабах этих действий.

Образовалось две группировки в правительстве, выражающие два возможных подхода к решению этой проблемы. Одна группа, включавшая в себя большинство советников Кеннеди и военных, настаивала на массовой бомбардировке всех пусковых установок, на которых уже проводился монтаж ракет, доставленных ранее, и усиленно к этому готовилась. Войска и авиация стягивались в районы, максимально приближенные к Кубе. Признавалось, что такая атака почти наверняка потребует последующего наземного вторжения, в результате которого потери США составят порядка 25 тыс. человек плюс соответствующее число убитых и раненых кубинцев. Далее предполагалось, что в то время как американское военное преимущество в Западном полушарии обеспечит успех воздушных налетов и наземного вторжения, Советский Союз, скорее всего, ответит военными действиями против флангов или даже Центральной зоны НАТО.

Те, кто выступал против воздушного нападения, рекомендовали ввести карантин, предназначенный для предотвращения советских поставок Кубе до тех пор, пока ракеты не будут убраны. Президент США отклонил предложение о немедленной военной атаке, приказав, однако, начать блокаду, и 24 октября карантин был введен². Советский Союз продолжал утверждать, что на Кубе нет никаких ракет; полученные же военной разведкой и ЦРУ фотоснимки были убедительным доказательством для американских военных, но не для мирового об-

щественного мнения, которое не исключало возможности фальсификации.

В Карибском регионе развернулась мощная группировка из 180 военных кораблей. Американские войска во всем мире приводились в состояние повышенной готовности. Атомные подводные лодки с ракетами «Поларис» изменили свои курсы в соответствии с полученными секретными приказами. Бомбардировщики стратегической авиации на всех базах получили приказ подняться в воздух с полной ядерной нагрузкой, и как только один из них приземлялся для заправки и отдыха, другой поднимался в воздух. Во Флориде были развернуты шесть дивизий, дополнительные войска перебрасывались на военную базу в Гуантанамо (на Кубе). Военное министерство США готовило бомбардировку и оккупацию Кубы, что требовало, по их подсчетам, 250 тысяч солдат, 90 тысяч бойцов морской пехоты и более ста десантных судов. Кеннеди получил сообщение о появлении в Карибском море советских подводных лодок, что являлось серьезной угрозой для американских авианосцев.

22 октября президент США Д. Кеннеди выступил по американскому телевидению. Он объявил о блокаде Кубы и некоторых других принятых мерах, а также о причинах, которыми были вызваны действия США. «Это лишь первый шаг, - сказал он, - Пентагон получил приказ к проведению дальнейших военных мер». Речь Кеннеди, продолжавшаяся около 20 минут, повергла не только США, но все западные страны в состояние нервного шока.

Спустя сутки 24 октября СССР заявил решительный протест против блокады Кубы и других военных мероприятий США. СССР просил немедленно созвать Совет Безопасности ООН. Министр обороны СССР приказал привести Вооруженные Силы страны в состояние повышенной боевой готовности, отменить отпуска и задержать демобилизацию. Советский Союз продолжал отрицать наличие на Кубе наступательного оружия, заявляя, что там находится только оружие, необходимое для самообороны, и что «с требованием об удалении этой техники не может согласиться ни одно государство, дорожащее своей независимостью». На срочном заседании Совета Безопасности советский представитель В. Зорин решительно отрицал наличие на Кубе ракет с ядерным оружием.

В это время на пути к Кубе находилось более 20 советских кораблей, и первые из них приближались к линии блокады, Фидель Кастро объявил о проведении всеобщей мобилизации. Хрущев вел себя внешне спокойно, понимая, что за океаном внимательно следят за каждым его шагом, и вечером 23 октября посетил Большой театр.

Президент США направил Хрущеву письмо с призывом соблюдать правила блокады. Кеннеди писал, что США не намерены открывать огонь по советским кораблям. Он выражал желание, «чтобы оба мы держались осмотрительно и не допускали, чтобы события осложнили положение и еще более затруднили контроль над ним». Это послание не было опубликовано в СССР, как и призыв генерального секретаря ООН У Тана приостановить перевозку оружия на Кубу.

Утром 24 октября два советских судна приблизились к линии блокады в 500 милях от Кубы, под прикрытием подводной лодки. Навстречу шел авианосец «Эссекс» с противолодочными вертолетами на борту. Р. Макнамара отдал приказ - в случае необходимости атаковать советскую подводную лодку глубин-

ными бомбами со слабыми зарядами, чтобы заставить ее всплыть на поверхность⁸.

Но Хрущев не хотел рисковать и приказал советским судам остановиться на линии блокады, предложив американскому президенту срочно остановиться на занимаемых позициях. В своем первом послании к Кеннеди Хрущев придерживался угрожающего тона. Он называл действия США «чистейшим бандитизмом», «безумием выродившегося империализма» и заявлял, что СССР не будет считаться с блокадой и сумеет защитить свои права. Кеннеди ответил, что он готов встретиться с Хрущевым, но только после устранения с Кубы советских ракет.

Воздушная разведка и анализ данных, полученных от агентуры в СССР, показывали, что эти ракеты будут готовы к действию не раньше чем через несколько дней. Над Кубой дважды в день пролетали эскадрильи из восьми низко летящих американских самолетов. Другие самолеты непрерывно следили за советскими подводными лодками¹. Советские корабли, приближаясь к линии блокады, останавливались в океане, однако, некоторые из них получили приказ лечь на обратный курс. Монтаж ракетных установок и бомбардировщиков продолжался.

Напряжение нарастало. Один из американских самолетов У-2 был сбит, и летчик погиб. Узнав о гибели американского летчика, Кеннеди приказал увеличить в несколько раз число самолетов, патрулировавших острова. 26 октября был отдан приказ о подготовке к вторжению на Кубу. Вечером того же дня Кеннеди получил от Хрущева новое письмо, составленное в иных выражениях, - оно не появилось в советских газетах. Роберт Макнамара писал, что это было самое необычное дипломатическое послание, какое он когда-либо видел. Письмо было продиктовано лично Хрущевым и даже не отредактировано, текст был, совершенно очевидно, составлен человеком, находившимся в состоянии сильного эмоционального напряжения. Советский премьер убедился, что действия США не являются блефом, и что мир оказался на краю пропасти. Теперь он просил Кеннеди проявить сдержанность, ибо «если разразится война, то остановить ее будет не в нашей власти. Я сам участвовал в двух войнах и знаю, что война кончается только после того, как прокатится по всем городам и селам, сея повсюду смерть и разрушение».⁹ Хрущев не отрицал теперь, что на Кубе имеются советские ракеты. Он писал, что раз все оружие уже доставлено, то американская блокада не имеет смысла, ракеты находятся под контролем советских офицеров и не будут использованы для нападения на США.

«В этом отношении, - говорилось в его послании, - вы можете быть спокойны. Мы находимся в здравом уме и прекрасно понимаем, что если мы нападем на вас, вы ответите нам тем же. Но тогда это обернется и против нас, и я думаю, что вы это тоже понимаете. Из этого следует, что мы люди нормальные. Как же мы можем допустить, чтобы произошли те несуразные действия, которые вы нам приписываете. Только сумасшедшие могут так поступать или самоубийцы, желающие и сами погибнуть, и весь мир перед тем уничтожить. Хрущев предлагал Кеннеди снять блокаду и дать обязательство не вторгаться на Кубу. В этом случае СССР заберет и уничтожит доставленное на Кубу ракетное оружие. Хрущев писал: «Мы с вами не должны тянуть за концы каната, на кото-

ром вы завязали узел войны, потому что, чем крепче мы оба будем тянуть, тем сильнее стянется узел, и придет время, когда узел будет так туго стянут, что даже тот, кто завязал его, не в силах будет развязать, и придется разрубить... Давайте не только перестанем тянуть за концы каната, но примем меры к тому, чтобы узел развязать. Мы к этому готовы»¹⁰.

В своем послании Хрущев предлагал Д. Кеннеди компромисс. Хрущев настаивал, чтобы американцы убрали свои ракеты с турецкой территории. Он предлагал провести в течение 2-3 недель переговоры с США по всему комплексу возникших проблем. Это не устраивало Кеннеди, и он ответил только на полученное вечером 26 октября письмо, оставив без внимания следующее. Кеннеди заявил о готовности США снять блокаду с Кубы, и о том, что США не будут нападать на Кубу, если Советский Союз уберет с территории Кубы наступательное оружие. Одновременно, используя конфиденциальные каналы, Кеннеди заверил Хрущева, что США уберут свои ракеты из Турции, но позднее, после ликвидации кризисной ситуации. В любом случае, Кеннеди требовал немедленного прекращения всех работ по установке ракет на Кубе и удаления под наблюдением ООН всего наступательного оружия с острова. В конфиденциальном порядке Кеннеди давал понять Хрущеву, что даже при желании президент США не в состоянии слишком долго сдерживать более жесткую реакцию американских властей на действия СССР. Послание Кеннеди от 27 октября было опубликовано в советской печати, что являлось, в сущности, официальным признанием присутствия советских ракет на Кубе. Не без внутреннего сопротивления и, возможно, не без борьбы внутри руководства, Хрущев принял предложение Кеннеди. У него оставалось мало времени и скудный выбор: или военные действия, или уступка. И Н.С.Хрущев уступил в письме от 28 октября. Хрущев заявлял: «Я отношусь с пониманием к вашей тревоге и тревоге народов США в связи с тем, что оружие, которое вы называете наступательным, действительно является грозным оружием. И Вы, и мы понимаем, что это за оружие».

Хрущев писал далее, что коль скоро США заявляют, что не совершат нападения на Кубу, то и мотивы, побудившие СССР поставить Кубе новое оружие, отпадают: налицо все необходимое для ликвидации конфликта. Поэтому Советское правительство отдает распоряжение о демонтаже, упаковке, и возвращении в СССР всего этого оружия. Впоследствии, чтобы не оставлять никаких сомнений в своем миролюбии, Хрущев даже разрешил американским экспертам осмотреть советские корабли и пересчитать увозимые в трюмах ракеты.

Это был решающий шаг в ликвидации Карибского кризиса, после этого все могли, наконец, вздохнуть спокойно, т.к. стало ясно, что войны все-таки не будет. За возникновение кризиса ответственность разделяли и советские, и американские руководители, но и Хрущев, и Кеннеди проявили в решающие часы разумную сдержанность, сохранив контроль над ходом событий и не позволив конфликту перерасти в разрушительную войну. В Вашингтоне имелось немало влиятельных государственных деятелей, которые с самого начала настаивали на действиях, ведущих только к войне. Можно предполагать, что и в окружении Хрущева не все были согласны с его решением - удалить ракеты с Кубы. И если престиж Кеннеди после Карибского кризиса заметно поднялся, то надо сказать, что поднялся и международный престиж Хрущева, который сумел вовремя ос-

тановиться и уступить.

Компромисс был достигнут усилиями обеих сторон. Но не следует забывать и о том, что согласие СССР демонтировать и увезти ракеты РГ бомбардировщики с Кубы стало известно в Вашингтоне менее чем за сутки до назначенной правительством США атаки. Эта операция вместе с советскими ракетами, офицерами и специалистами уничтожила бы и кубинское государство, а стало быть, привела и к ответным мерам со стороны СССР.

Таким образом, Карибский кризис, самый опасный после II мировой войны разрешился мирно. Обе державы поняли, что атомная война не является средством продолжения политики. Две системы могли вступать в острые конфликты, но они были вынуждены искать компромиссы, чтобы существовать на одной планете.

Поэтому не удивительно, что после Карибского кризиса возобновился диалог между Москвой и Вашингтоном. 30-го августа между ними была установлена прямая телефонная связь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фокев Г.В. История международных отношений и внешней политики СССР. М., 187, с.89
2. Макнамара Р. Путем ошибок – к катастрофе. М., 1988, с.65
3. Кристофер Э. КГБ во внешней политике СССР. М., 1966, с.35
4. Любимов В. Военная разведка и Карибский кризис. М., 1988, с.50
5. Добрынин А. США и отношение с СССР. М., 1997, с.76
6. Там же, с.78
7. Владимиров В.Х. Куба в межамериканских отношениях. М., 1984, с.165
8. Макнамара Р. Путем ошибок – к катастрофе., с.97
9. Добрынин А. США и отношение с СССР., с.85
10. Там же, с.88

KARİB BÖHRANI VƏ ONUN BEYNƏLXALQ NƏTİCƏLƏRİ

A.N.ABBASBƏYLİ

XÜLASƏ

Məqalədə II Dünya Müharibəsindən sonra böyük təhlükə yaradan Karib böhranının başlanğıcı, inkişafı və sonu təhlil olunur.

Müəllif nüvə müharibəsinə başqa yolu seçməyi və bununla yanaşı təhlükənin aydınlaşdırılması və qeydlər verilməsini tövsiyə verir.

CARIBBEAN CRISIS AND ITS INTERNATIONAL CONSEQUENCES

A.N.ABBASBEYLI

SUMMARY

The article scrupulously analyses start, expansion and closing stages of the Caribbean crisis, the most perilous after World War II.

The author demonstrates the means of avoid ability of the nuclear war in terms of becoming conscious of its danger and the good will.